РАЗДЕЛ I

ЕВРАЗИЙСТВО В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 130.2:327.39(4/5)

DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-5-11

С. Ш. Аязбекова, доктор философских наук, профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Казахстанский филиал (Нур-Султан, Казахстан)
ayazbekova@mail.ru

«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» И ЕВРАЗИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Аннотация. Представлен авторский взгляд на содержание термина «евразийская культура». Изложен тезис об обоюдно конституирующем и взаимообогащающем эффекте исторических контактов оседлого и кочевого культурных миров евразийского континента. Взаимный интерес мигрирующих этносов и народов, ведущих оседлый образ жизни, к экономическим и военным технологиям, духовной жизни, бытовому и политическому укладу друг друга оказал существенное влияние на культурные константы взаимодействующих сторон. Опыт многовековых межкультурных связей, по мнению автора, подготовил идейную базу для реализации крупного международного проекта «*Большая Евразия*» (Армения, Белоруссия, Казахстан, Россия), фиксирующего стремление к формированию новой геоэкономической, геополитической и геокультурной общности населения современного евразийского макрорегиона.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), «Большая Евразия», Великий шелковый путь, концепция евразийской культуры, номадическая (кочевая) мировая цивилизация, оседлая мировая цивилизация.

В 1994 состоялось историческое выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, на котором впервые была выдвинута и обоснована идея о создании Евразийского союза.

С 2015 года начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который способствует укреплению не только экономических, но и культурных связей Казахстана, России, Белоруссии, Кыргызстана, Армении, а также тех стран, которые присоединились к ЕАЭС в качестве наблюдателей и вероятных кандидатов на вступление в союз – Молдавии, Таджикистана, Узбекистана, Монголии, Туркмении, Ирана, Турции, Сирии и Туниса.

Сегодня мы уже становимся свидетелями реализации нового проекта, выдвинутого Н. А. Назарбаевым 17 июня 2016 г. на пленар-

ном заседании XX Петербургского международного экономического форума, – проекта «Большая Евразия», который отражает стремление к созданию новой геоэкономической, геополитической и геокультурной общности всего евразийского континента.

Следует заметить, что осмысление евразийской проблематики в контексте «Большой Евразии», а не в пространстве Руси-России, как это имело место в концепции классического евразийства, имеет особый смысл не только в конструировании современных геополитических процессов, но и в межкультурной коммуникации. Важно это и потому, что евразийское культурное пространство на протяжении всей своей многотысячной истории привело во взаимодействие две мировые цивилизации – номадическую и оседлую, что оказало существенное влияние на формирование евразийской культуры.

Евразийская культура. Предложенная концепция евразийской культуры отличается от аналогичного определения представителей классического евразийства своим континентальным пространственным континуумом, временной протяженностью и сущностными характеристиками. Суть этого подхода – в понимании евразийской культуры как особого типа культуры, локализованного не только на территории России и Советского Союза (как это понималось классическим евразийством), но и определяющего сущность многих цивилизаций и культур Евразии.

Евразийская культура понимается нами как особая типологическая общность, в основе которой – взаимодействие и сосуществование в рамках формирования и функционирования единой культурной системы двух типологически и территориально различных культур: европейской – с одной стороны, и азиатской – с другой. Наиболее характерной чертой и главным условием развития евразийского типа культуры является не только функционирование сложившейся веками культуры этноса, но и усвоение им определенных типологических характеристик иной культуры в виде целостной системы. При этом возникает некая система, в которой две культуры – эндогенная и экзогенная, выступая в качестве субкультур, образуют целостность типологического порядка. Эти субкультуры в рамках евразийской культуры могут сосуществовать как в относительной самостоятельности, так и взаимодействуя друг с другом.

Предложенная концепция евразийской культуры в ее континентальном, региональном и локально-страновом контекстах нашла свое обоснование в ряде публикаций, в которых начальные этапы становления евразийской культуры отнесены к периодам палеолита и неолита в векторах «из Азии – в Европу» и «из Европы – в Азию». При этом мы исходим из того, что первый макроцивилизационный ареал был связан исключительно с азиатской частью. Именно здесь возникли тенгрианская, шумеро-аккадская, эламская, минойская, хараппская и шань-иньская локальные цивилизации. В дальнейшем евразийский тип культуры наиболее ярко проявил себя в цивилизациях, объединивших культурные традиции Европы и Азии – в скифо-сакской, греко-римской, гуннской, тюркской, византийской и советской локальных цивилизациях [1–6].

На наш взгляд, именно такой подход в осмыслении евразийского культурного пространства позволяет исследовать роль нома-

дизма в становлении и развитии евразийского типа культуры.

Понятие «евразийская культура», рассматриваемое нами как феномен «Большой Евразии», ставит новые задачи по осмыслению истории взаимодействия культур Европы и Азии. Кроме того, континентальный подход, раскрывающий евразийскую культуру в контексте «Большой Евразии», позволяет увидеть ту роль, которую сыграло взаимодействие кочевой и оседлой цивилизаций в процессах формирования и развития евразийской культуры.

Номадическая и оседлая мировые цивилизации. Анализ кочевого и оседлого миров в пространственно-временном контексте со всей очевидностью выявил чрезвычайно высокий статус этих мировых цивилизаций. Связано это как со временем их распространения (начиная с эпохи мезолита и по сей день), так и с обширным ареалом их распространения и непрерывающимся взаимодействием друг с другом. Если говорить о единой всемирной цивилизации, то важно подчеркнуть, что она характеризовалась одновременным сосуществованием и взаимодействием номадической и оседлой цивилизаций.

Данные две цивилизации, будучи диаметрально противоположными по своим характеристикам, породили особый набор культурных универсалий, достаточно устойчивый на протяжении весьма длительного исторического периода, а также разнообразные механизмы и способы их взаимодействия. Взаимодействие этих двух мировых цивилизаций происходило таким образом, что сужение границ одной цивилизации приводило к расширению другой. Таким был, к примеру, постепенный переход от номадической цивилизации к оседлой в эпоху бронзы в Китае, в Казахстане это произошло к XX в. При этом, если в раннеклассовой, античной и средневековой мировых цивилизациях доминировало влияние номадической цивилизации, то, начиная с раннеиндустриальной цивилизации, наоборот, практически повсеместно доминантной оказывалась оседлая цивилизация.

Взаимодействие кочевого скотоводства и экономических ресурсов оседлого земледельческого и городского хозяйства приводило к возникновению единого хозяйственно-экономического организма смешанного скотоводческо-земледельческого типа и сформировало свою особую систему экономических отношений в мировом масштабе, в основе которой – принцип общественного разделения тру-

да. Связи кочевников и земледельцев проявились и в политической сфере, примером чему может служить «биполярность» структуры политических связей кочевников с Римом, Китаем, государствами Причерноморья и др. Такая «биполярность» в истории доиндустриальной эпохи повторялась несколько раз [7, 8].

Взаимодействие номадической и оседлой цивилизаций происходило на многих континентах, за исключением Антарктиды. В рамках изучения проблематики евразийской культуры важным становится исследование взаимодействия мировых цивилизаций в ареале евразийского континента. При этом мы исходим из того, что Великая степь, находясь в центре евразийского континента, в силу своего географического положения играла роль связующего звена между Европой и Азией.

Роль номадической цивилизации в развитии оседлой цивилизации. История евразийской культуры выявляет особую роль номадической цивилизации, которая на протяжении многих веков демонстрировала миру высокую степень интеграционности. Номадический тип жизнедеятельности способствовал формированию самых разных форм взаимодействия этносов, конфессий, культур и языков.

Номадическая мировая цивилизация со всей остротой поставила проблему межцивилизационных контактов, поскольку, как никакая другая, она не была изолирована от других, смежных цивилизаций. Степные локальные цивилизации (тенгрианской, скифо-сакской, тюркской, монгольской), в которых преобладает номадическая составляющая, заряжаются от внешнего мира, их цивилизационный фокус распространяется и на территорию смежных локальных земледельческих цивилизаций.

Взаимодействие проявилось в разных сферах цивилизационного развития, в особой мере – в экономике, в военно-политических процессах и в культуре. Так, в торгово-экономической сфере кочевничество стимулировало процессы товарообмена земледельческого производства, что способствовало расширению земледелия и использованию новых земель. Примером военно-политического взаимодействия может служить использование гулямов в Арабском халифате, мамлюков в Средневековом Египте, сипахов и акынджи в Османской империи. В Европе зачастую именно из кочевников создавались армии феодальных государств, кочевники заложили и основы одной из важнейших социальных страт европейского оседлого мира – рыцарства [9], вокруг которой формировалась вся социальная

структура европейского общества вплоть до Нового времени. Что касается культуры, то взаимодействие традиций кочевых и оседлых народов проявилось в мифологии, эпосе, религии, градостроительстве, архитектуре, музыке и изобразительном искусстве.

Важно и то, что непрекращающиеся набеги кочевников послужили вызовом, который определял возрастание мощи и силы соседних цивилизаций (Китай, Индия). Во многом это было обусловлено тем, что номадическая цивилизация зачастую продвигалась именно в такие моменты цивилизационного развития соседних локальных цивилизаций, когда степень их внутренней потенции опускалась до критического уровня. Военные походы номадов становились фактором, максимально мобилизующим силы соседних народов для дальнейшего их развития как цивилизационного. При этом такие продвижения обретали функцию «внешнего» фактора, который превращался в фактор «внутренний» (для соседних цивилизаций) и служил движущим, созидательным началом этих цивилизаций.

Таким образом, номадическая цивилизация способствовала высокой степени межцивилизационных контактов. Она не только объединяла и разъединяла различные цивилизации, но и стимулировала формирование их цивилизационной самобытности. Высокая концентрация результатов межцивилизационных контактов стала причиной «осадка» других цивилизаций в самой номадической цивилизации. Отсюда и отличительная ее особенность: взаимодействие и смешение политических приоритетов, форм государственного регулирования, этносов, культур и религий.

Изучение глобальной истории выявило зависимость глобальных экономических процессов с длинными мировыми политическими циклами, которые американские политологи Дж. Модельски и В. Томпсон называли «циклами лидерства». Это дало им основание выделить три основные эры глобальной истории: 1) Ближневосточную (3200 – 1200 гг. до н. э.); 2) Евразийскую или Классическую (1200 г. до н. э. – 1000 г. н. э.) и Океаническую или Современную (с 1000 г. н. э.). Как видим, центральное место занимает Евразийская или Классическая эра, которая характеризуется широким масштабом кооперации в Евразии, революцией в аграрных технологиях, возникновением больших империй и формированием мировых религий [10–12].

Однако исследователи мир-системы не раскрывают движущих сил распространения и

расширения ее границ. При этом, если принять во внимание признание А. Г. Франка, что мир-система возникла единожды, а затем была распространена по всему миру, а точкой отсчета ее создания является момент возникновения первичных цивилизаций, то таковыми, на наш взгляд, являются номадическая мировая цивилизация и тенгрианская локальная цивилизация, существующая с периода мезолита и объединившая в себе локальные территории и особенности номадической и оседлой мировых цивилизаций [13–15].

В период возникновения мир-системы именно кочевники, прибегнув к domestикации лошади, создав колесницы и металлургические технологии, выступали генераторами и донорами тех инноваций, которые способствовали свободному распространению информации, знаний, религиозных представлений, товаров и технологических обменов, приводящих к распространению вооружения и аграрной революции. Более того, кочевники не только установили связь между номадической и оседлой цивилизациями, но и между локальными земледельческими оседлыми цивилизациями, что и определяло геополитическую динамику подъемов и упадков цивилизаций Старого Света [8, с. 95–108].

Важно и то, что с периода создания мир-системы взаимодействие азиатской и европейской культур приобрело новый импульс, когда, с одной стороны, номады распространили особенности своей культуры среди земледельческих народов Европы и Азии, а с другой, восприняв эти культурные традиции, смогли передать их другим народам. А это значит, что номадическая цивилизация, сыграв основополагающую роль на этапах создания и развития целостности мир-системы, одновременно определила и развитие евразийского типа культуры, объединившего культуры Европы и Азии.

Роль оседлой цивилизации в развитии номадической цивилизации. О том, что кочевники всегда являлись потребителями продуктов земледелия и перенимали у земледельцев некоторые особенности образа жизни, свидетельствуют многие исследования. Наряду с этим особый интерес представляет такой способ адаптации номадов к оседлому миру, как седентаризация, когда происходит увеличение земледелия в кочевой среде либо полный переход к нему [16, с. 324–328].

Археологические исследования поселений древних кочевников Евразии, найденные в них зернотерки, зерна пшеницы, шелуха проса,

хрупкая керамическая посуда, не пригодная для транспортировки, а также земледельческие орудия труда свидетельствуют о существовании земледелия у саков и усуней в I тыс. до н. э. (не позже VIII–VII вв. до н. э.) [17–20]. Кроме того, необходимость в продуктах земледелия приводила не только к контактам кочевников с земледельческим населением, но и с частичным оседанием. Так, к примеру, произошло у усуней в I в. н. э., когда перешла к оседлости и земледелию родовая знать [20, с. 76–78].

Однако воздействие оседлой цивилизации проявилось не только в переходе к временной/частичной/постоянной оседлости некоторой части кочевого общества. Смена времен года, температурный режим и осадки определяли особенности кочевого уклада, маршруты и время передвижений. Суровые зимы евразийских степей обуславливали периоды оседлости и, соответственно, строительство стоянок, зимовий, поселений, городов и крупных административно-политических центров. Это свидетельствует о том, что в Евразии сам номадизм, при доминировании скотоводства, представлял собой скотоводческо-земледельческий комплекс.

Великий шелковый путь. Номадическая цивилизация – одна из немногих, которая способствовала процессу взаимосвязи и взаимообогащению культур Европы и Азии. В особой мере данная тенденция определилась с эпохи железа, когда начался период военных экспансий кочевых племен. Этому послужило и появление своего рода механизма, который и осуществлял эту междоцивилизационную связь – Шелковый путь.

Великий шелковый путь стал один из самых эффективных механизмов взаимодействия народов, цивилизаций и культур. Продвижение товаров, знаний, языков, религий, миграция населения, межнациональные браки, – это далеко не полный перечень междоцивилизационных контактов.

История Шелкового пути начинается с III–II тыс. до н. э. Первоначально это были небольшие локальные торговые трассы, так называемые Лазуритовый путь, объединяющий Среднюю Азию и Средний Восток со Средиземноморьем и Индией, Нефритовый путь, связывающий Восточный Туркестан с Китаем, и Степной путь – из Причерноморья к Верхнему Иртышу и оз. Зайсан.

И только с середины II в. до н. э., с установлением торговых связей Кушанской империи и других восточных государств с государ-

ствами Ближнего Востока и Европы, Шелковый путь, проходивший через пустыни и моря, обретает значение связующего дипломатического и торгового звена.

Рождение Шелкового пути способствовало тому, что многие народы были вовлечены в мировой цивилизационный процесс. В этом плане одним из главных достижений Шелкового пути является то, что именно эта цивилизационная магистраль, объединившая Европу и Азию, способствовала тому взаимодействию и взаимообогащению оседлой и кочевой культур, которое послужило основой многих достижений человечества.

Не случайно и то, что в период наиболее активного функционирования Шелкового пути в долинах Амударьи, Сырдарьи, Зеравшана, Мургаба, Чу и Таласа в I-ом тыс. н. э. возникают городские центры, распространяются и взаимодействуют друг с другом религиозные идеи и письменность [21, с. 21].

Значение Шелкового пути не сводится лишь к созданию единой торговой системы между различными странами. И хотя торговый обмен и был важнейшим фактором экономических связей, но более существенным стало формирование всего спектра межкультурных связей – как мировых, так и локальных, объединивших культуры Европы и Азии, что и привело к расцвету в этот период евразийского типа культуры.

Выводы. История взаимодействия кочевой и оседлой цивилизаций свидетельствует о создании самых разных интеграционных образований, затрагивающих государственность, этногенез, политику, право, мировоззрение, экономику, религию и культуру. Это многоуровневое взаимодействие, начиная с древности, привело и к полномасштабному взаимодействию культур Европы и Азии, создавая основы и определяя сущность евразийской культуры.

Историко-цивилизационное осмысление движущих сил формирования общности евразийского культурного пространства приобретает на современном этапе развития особое значение. А это значит, что такие интеграционные проекты, как ЕАЭС, «Новый Шелковый путь», «Большая Евразия» и другие, продолжая древние традиции взаимодействия мировых цивилизаций, должны обрести не только экономические, но и культурные смыслы.

Список литературы

1. Аязбекова, С. Ш. Культура в евразийском пространстве: теория, история и современ-

ность // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2018. № 1. С. 16–21.

2. Аязбекова, С. Ш. Понятие «Евразийская культура» в концепциях евразийства // Creativity as a Personal Self-Expression Mechanism and a Way to Reveal the Level of Sociocultural Development. 2017. Рр. 43–47.

3. Аязбекова, С. Ш. Евразийская культура: становление и основные этапы развития // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2017. № 1. С. 5–10.

4. Аязбекова, С. Ш. К вопросу об осмыслении феномена евразийского культурного пространства // Наследие Л. Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. Астана, 2012. С. 364–368.

5. Аязбекова, С. Ш. «Культура Евразии» и «евразийская культура» // Казахстан и евразийская идея в новом мире. Астана, 2012. Т. 1. С. 216–220.

6. Аязбекова, С. Ш. Бикультура как феномен взаимодействия культур Европы и Азии // Cultural and historical heritage in the context of a modern outlook formation. London, 2015. Рр. 43–46.

7. Chase-Dunn, Ch. Rise and Demise: Comparing World-Systems / Chase-Dunn, Ch., Hall T. Boulder, 1997. Рр. 149–199.

8. Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007. 416 с.

9. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства. Москва, 1987. 384 с.

10. Modelski, G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. URL: <http://faculty.washington.edu/modelski/time.html> (11.03.2019).

11. Модельски, Д. Эволюция глобальной политики (I) // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62–82.

12. Modelski, G. The long cycle of global politics and the nation-state // Comparative Studies in Society and History. 1978. Vol. 20. Рр. 214–235. DOI: 10.1017/S0010417500008914.

13. Аязбекова, С. Ш. Сакральная история и география: тенгрианская цивилизация в зеркале археологии // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1. С. 14–35.

14. Аязбекова, С. Ш. Древние поселения и города как ранние очаги зарождения Небесной тенгрианской цивилизации // Улы дала : материалы III Форума гуманитарных наук (Астана, 12 июня 2019 г. Астана, 2018. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/144165937/> (12.03.2019).

15. Аязбекова, С. Ш. «Большая Евразия» в цивилизационном контексте: история и современность // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Москва, 2018. Вып. 1. Ч. 2. С. 569–577.

16. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000. 604 с.

17. Рыбаков, Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. Москва, 1979. 248 с.

18. Левина, Л. М. Поселения VII–V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьин-

ской дельты // Кочевники на границах Хорезма. Москва, 1979. С. 178–190.

19. Акишев, К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. 1969. № 1. С. 29–46.

20. Акишев, К. А. О возникновении оседлости

и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алматы, 1970. С. 70–78.

21. Байнаков, К. М. Великий Шелковый путь в Центральной Азии // Шелковый путь и Казахстан: материалы науч.-практ. конф. (Алматы, 2–3 сент. 1998 г.). Алматы, 1999. С. 17–28.

Sabina Sh. Ayazbekova, Dr. of Philosophical Sciences, Professor,
Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan Branch (Nur-Sultan, Kazakhstan)
ayazbekova@mail.ru

«GREAT EURASIA» AND THE EURASIAN CULTURE WITHIN A CONTEXT OF THE GLOBAL CIVILIZATIONS

Abstract. The paper gives the author's view on a concept of “the Eurasian culture”, outlines an idea of mutual constitutive and enriching effect of historical contacts between nomadic and settled cultural worlds of the Eurasian continent. Mutual interest of nomadic peoples and settled ethnoses to economic and military technologies, spiritual life, manners of housekeeping, and political order of each other had an influence on interacted subjects' cultural constants. On the author's opinion, centuries-long inter-civilizations relations prepared ideological basis for a large project called “Great Eurasia” (Armenia, Belorussia, Kazakhstan, and Russia) that fixes an intention to creation of a new geoeconomic, geopolitical, and geocultural solidarity of the population of the today's Eurasian macro-region.

Keywords: *Eurasian Economic Union (EAEU), “Great Eurasia”, Great Silk Road, a concept of the Eurasian culture, a nomadic world civilization, a settled world civilization.*

References

1. Ayazbekova, S. Sh. Kul'tura v evrazijskom prostranstve: teoriya, istoriya i sovremennost' [Culture in the Eurasian Space: Theory, Practice and Modernity] // Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii [Culture in the Eurasian Space: Traditions and Innovations]. 2018. № 1. Pp. 16–21. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-16-21. [In Russ.].

2. Ayazbekova, S. Sh. Ponyatie «Evrazijskaya kul'tura» v koncepciyah evrazijsstva [A Concept of “Eurasian culture” in the Eurasianists' Theories] // Creativity as a Personal Self-Expression Mechanism and a Way to Reveal the Level of Sociocultural Development. 2017. Pp. 43–47. [In Russ.].

3. Ayazbekova, S. Sh. Evrazijskaya kul'tura: stanovlenie i osnovnye etapy razvitiya [The Eurasian Culture: Formation and Key Stages of Development] // Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii [Culture in the Eurasian Space: Traditions and Innovations]. 2017. No. 1. Pp. 5–10. [In Russ.].

4. Ayazbekova, S. Sh. K voprosu ob osmyslenii fenomena evrazijskogo kul'turnogo prostranstva [On Understanding of Eurasian Cultural Space Phenomenon] // Nasledie L. N. Gumileva i sovremennaya evrazijskaya integraciya [Lev Gumilyov's Heritage and the Today's Eurasian Integration]. Astana, 2012. Pp. 364–368. [In Russ.].

5. Ayazbekova, S. Sh. «Kul'tura Evrazii» i «evrazijskaya kul'tura» [“Culture of Eurasia” and “Eurasian Culture”] // Kazahstan i evrazijskaya ideya v novom mire [Kazakhstan and the Eurasian Culture in the New World]. Astana, 2012. Vol. 1. Pp. 216–220. [In Russ.].

6. Ayazbekova, S. Sh. Bikul'tura kak fenomen

vzaimodejstviya kul'tur Evropy i Azii [Bi-Culture, a Phenomenon of Interaction between European and Asian Cultures] // Cultural and historical heritage in the context of a modern outlook formation. London, 2015. Pp. 43–46. [In Russ.].

7. Chase-Dunn, Ch. Rise and Demise: Comparing World-Systems / Ch. Chase-Dunn, T. Hall. Boulder, 1997. Pp. 149–199.

8. Kradin, N. N. Kochevniki Evrazii [The Eurasian Nomads]. Almaty, 2007. 416 p. [In Russ.].

9. Cardini, F. Istoki srednevekovogo rycarstva [The Roots of Medieval Chivalry]. Moscow, 1987. 384 p. [In Russ.].

10. Modelski, G. Time, Calendars and International Relations: Evolution of Global Politics in the 21st Century. URL: <http://faculty.washington.edu/modelski/time.html> (11.03.2019).

11. Modelski, G. Evolyuciya global'noj politiki [Evolution of Global Policy] (I) // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2005. No. 3. Pp. 62–82. [In Russ.].

12. Modelski, G. The long cycle of global politics and the nation-state // Comparative Studies in Society and History. 1978. Vol. 20. Pp. 214–235. DOI: 10.1017/S0010417500008914.

13. Ayazbekova, S. Sh. Sakral'naya istoriya i geografiya: tengrianskaya civilizaciya v zerkale arheologii [Sacral History and Geography: Tengrian Civilization in a Mirror of Archaeology] // Mädeniät. Kul'tura. Culture [Culture. Culture. Culture]. 2017. No. 1. Pp. 14–35. [In Russ.].

14. Ayazbekova, S. Sh. Drevnie poseleniya i goroda kak rannie ochagi zarozhdeniya Nebesnoj tengrianskoj civilizacii [Ancient Settlements and Villag-

es – Origin Centers of Heaven Tengrian Civilization] // [Uly Dala] Poisonous steppe. Astana, 2018. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/144165937/> (12.03.2019). [In Russ.].

15. Ayazbekova, S. Sh. «Bol'shaya Evraziya» v civilizatsionnom kontekste: istoriya i sovremennost' ["Great Eurasia" in Civilization Context: History and Modernity] // Great Eurasia: Development, Safety, Partnership. Moscow, 2018. Vol. 1. Pt. 2. Pp. 569–577. [In Russ.].

16. Khazanov, A. M. Kochevniki i vneshnij mir [Nomads and Outer World]. Almaty, 2000. 604 c. [In Russ.].

17. Rybakov, B. A. Gerodotova Skifiya. Istoriko-geograficheskij analiz [Gerodotus's Scythia. Historical and Geographical Analysis]. Moscow, 1979. 248 p. [In Russ.].

18. Levina, L. M. Poseleniya VII–V v. do n. e. i. «shlakovy» kurgany yuzhnyh rajonov Syrdar'inskoy del'ty [Settlement of 7th–5th Centuries BC and “Slaggy”

Burial Mound in South Regions of Syr Darya River Delta] // Kochevniki na granichah Horezma [Nomads on Borders of Khoresm]. Moscow, 1979. Pp. 178–190. [In Russ.].

19. Akishev, K. A. Zimovki-poseleniya i zhilishcha drevnih usunej [Ancient Wusun's Winter Settlements and Habitations] // Izvestiya Akademii nauk Kazahskoj SSR. Seriya obshchestvennaya [Proceedings of the Academy of Sciences of Kazakh Soviet Socialist Republic. Series Social]. 1969. No. 1. Pp. 29–46. [In Russ.].

20. Akishev, K. A. O vozniknovenii osedlosti i zemledeliya u drevnih usunej Semirech'ya [On the Genesis of Settlement and Agriculture of the Ancient Wusun from the Semirechye Area] // Po sledam drevnih kul'tur Kazahstana [In the footsteps of Ancient Cultures of Kazakhstan]. Almaty, 1970. Pp. 70–78. [In Russ.].

21. Baipakov, K. M. Velikij Shelkovyj put' v Central'noj Azii [Great Silk Road], in Central Asia] // Shyolkovyy put' i Kazakhstan [Silk Road and Kazakhstan]. Almaty, 1999. Pp. 17–28.

УДК 141.333:130.2(4/5)

DOI: 10.32340/2514-772X-2019-1-11-16

И. А. Жерносенко, доктор философских наук, доцент,
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
irina.jernosenko@gmail.com

НООСФЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ЕВРАЗИЙСКОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА¹

Аннотация. Представлен анализ современного социокультурного дискурса, направленного на разработку продуктивных моделей цивилизационного развития. Отталкиваясь от специфики российского пространства, преобразующего в себе дихотомию «Запад – Восток» в диалогически состоятельное пограничье, автор (на примере алтайского региона) эксплицирует основания устойчивого развития отдельных территорий, обладающих биосферно-ноосферным потенциалом, где осуществляется продуктивный межэтнический и межпоколенный диалог, где население, продолжая исповедовать традиционные ценности почитания и одухотворения природы, смогло в условиях техногенной цивилизации и глобального кризиса не только сохранить природные ресурсы и уникальные культурные ландшафты, но и придать им импульс к развитию на новом технологическом уровне. Именно такие территории могут стать полигоном для отработки модели ноосферного развития как цивилизации нового типа.

Ключевые слова: *евразийство, ноосферогенез, устойчивое развитие, Алтай, коренные народы, коэволюция, биосферно-ноосферный потенциал.*

Евразийство как направление философского дискурса поднимает колоссальный круг вопросов: от структуры национального самосознания до судеб российской государственности, от культурной идентичности до закономерностей природных процессов, от доминирования православной доктрины до апологии кочевничества. На грани тысячелетий, в условиях нового государственного строительства

России идеи евразийцев приобретают новое звучание: сегодня активно развивается категориальный аппарат и концептуальные основания первых евразийцев; концепция Евразийства начинает приобретать статус государственной программы социально-экономического развития, становится полем международного диалога.

Специфика географического положения России, на пограничье Востока и Запада наложила свой отпечаток на особенности русского менталитета, направленного на самопознание, осмысление собственных духовных ценностей и смыслов и, в то же время, постое-

¹ Основные идеи статьи более подробно проработаны в исследовании: Жерносенко И. А. Сакрализация социокультурного пространства-времени как потенциал ноосферогенеза : дис. ... д-ра филос. наук. Улан-Удэ, 2018. 445 с.